

DOI: 10.31857/S032103910016266-5

УРОКИ Ю.Г. ВИНОГРАДОВА

Наше знакомство произошло, когда Юрий Германович начал давать мне частные уроки древнегреческого. Этому предшествовала фраза, оброненная Д. Б. Шеловым годом ранее в разговоре со мной: «Хочешь серьезно заниматься античной историей и археологией — изучай классические языки; наши учителя (он имел в виду прежде всего Б.Н. Гракова и В.Д. Блаватского. — *Ф. III. -К.*) ими владеют, а наше поколение — нет, и это очень мешает нам в работе».

По счастью, в ГМИИ им. А.С. Пушкина, где трудилась моя мама А.Г. Сакович, незадолго до того был принят и вел занятия любимого мною музейного археологического кружка давний друг Ю.Г. Виноградова И.Р. Пичикий. Он-то и познакомил нашу семью, как он сказал, с Баронетом (это прозвище было присвоено однокашниками еще студенту Юрию Виноградову за то, что, не имея никакого формального отношения к дворянскому сословию, он с молодых ногтей отличался глубоким аристократизмом духа и манер). Так с осени 1970 года я стал раз в неделю после школы появляться на Песчаной улице в районе метро «Сокол».

И с тех пор вот уже более 50 лет моя жизнь осенена присутствием — без всякого преувеличения — великого человека. Такое мое к нему отношение порой давало повод к подтруниванию — добродушному либо не очень — некоторых коллег по экспедициям, где нам с ним довелось вместе бывать.

От него я получил немало фундаментальных наставлений. Прежде всего, я навсегда запомнил, что так называемые «мертвые» языки, на самом деле, — *живой*, непрерывно развивающийся, организм, чуждый школярскому доктринерству и постоянно обновляемый за счет материала, доставляемого надписями и папирусами. А потому обучение должно приводиться в соответствие с единственно полностью аутентичными надежными данными эпиграфики и папирологии, но не наоборот. Чуть позже я усвоил, что каждый выпуск *Bulletin épigraphique* Луи Робера надобно подробно изучать целиком, не ограничиваясь тематикой текущих интересов. В остальном полученные мною уроки можно условно (настолько они переплетены) разделить на две группы — человеческую и профессиональную. Начну по порядку, ибо первая ярко окрашивает все, что происходит во второй.

Ю.Г. Виноградов принимал жизнь, как она есть: в полном соответствии с Тацитовой рекомендацией — *sine ira et studio*. Однако это вовсе не означало для него всепрощенчества. На нечистоплотность или не соответствующее квалификации сомнение он отвечал ледяной холодностью.

Проповедуя открытость, он и сам был ее примером. Предпочитал ошибиться в человеке, чем не подпускать того к себе, оскорбляя подозрением. Широта души и, соответственно, бескорыстного общения его была невероятной. Увы, здесь его ждала масса разочарований. Нередко бывало, что им хотели просто воспользоваться — либо талантом, либо статусом уважаемого члена редколлегии ВДИ. Обманутые ожидания были (наряду с веселым нравом, делавшим его душой многочисленных застолий) одной из главных причин развития у него обычного русского недуга.

Юрий Германович не был *формально* верующим. Но меня никогда не покидало чувство, что живет он в ощущении предстояния перед высшим судом. Известно, что наука сама по себе не производит этику. Именно поэтому он не только говорил, что в ней важно нравственное поведение, но и придерживался его. Сам щедро делясь россыпями своих блестящих идей, он не то что никогда не присваивал себе чужих, но радовался, как ребенок, когда находил иной взгляд более убедительным. Тем более он никогда не пользовался своим мощным административным ресурсом: не торпедировал публикацию чуждого ему мнения, а вступал в открытую дискуссию.

Прикладывал максимум усилий к тому, чтобы потенциал того, в ком он увидел искру Божию, раскрылся полностью: вплоть до того, что, редактируя, лично кардинально дорабатывал присланный материал.

Вообще наука для него была храмом. Где надо *служить* и жить по совести, не останавливаться в своем развитии, не «бронзоветь» и безостановочно искать единственного, что доступно смертному, — правды. Которая (в отличие от истины, принадлежащей Богу) подвержена изменениям. Потому он не принимал заскорузлость и ни во что не ставил шаблоны.

От него я перенял умение моментально концентрироваться и быстро просчитывать все возможные варианты результата. *Служение* требует чистоты помыслов и поступков. Для него оно имело не менее ритуальный смысл, чем для клирика. Он учил меня, что в науке допустимы только самоотверженная собранная систематическая целеустремленная работа, широта мышления, многогранность, открытость новому, принятие решения на основе всестороннего изучения суммы разнообразных данных. Нельзя мельтешить, интриговать, шкурничать, преследовать выгоду, суетиться, «воспарять» — его выражение — над другими, самолюбоваться. Не может быть компромисса с теми, кто небрежен, тщеславен, поверхностен, ленив, жалеет себя и стремится во что бы то ни стало «застолбить» свое первенство. Например, в ущерб качеству, скоропалительно протолкнуть, «тиснуть» материал. В таком отношении к делу была причина его резкого расхождения с его «заклятым другом».

Приоритет самовыражения («я в науке»), вещание *ex cathedra*, личная заносчивость — даже когда речь шла о несомненных авторитетах — неизменно вызывали у него суровое отторжение. Он считал, что признание и любые награды, звания, должности, зарубежные стажировки и проч. нельзя принимать как нечто вполне заслуженное (а тем более — само собой разумеющееся). Он смотрел на них скорее как на явленную свыше милость.

Будучи учеником Б. Н. Гракова, питая подчеркнутый пиетет к А. В. Никитскому и тесно общаясь с такими выдающимися ленинградцами, как А. Н. Карасев, Е. И. Леви, А. И. Доватур, Ю. В. Андреев, А. И. Зайцев, Б. Б. Пиотровский, Я. В. Доманский, А. Н. Щеглов, А. М. Гилевич, К. К. Марченко, Н. В. Шебалин, Н. Н. Казанский, А. К. Гаврилов, К. С. Горбунова, И. Б. Брашинский, Н. Л. Грач, Н. С. Белова и др., он скептически относился к любителям многозначительно порассуждать о петербургской и московской школах. Справедливо (впрочем, как и все поименованные) полагая, что, вне зависимости от геолокации, существуют лишь наука и не-наука, а на прочее подчеркнуто упирают, за неимением иных аргументов, провинциально мыслящие и не слишком одаренные люди.

Что до полученных мною эпиграфических знаний и навыков, то здесь мне даже нет нужды что-либо специально вспоминать. Еще в 1978 году в выпущенном издательством «Наука» под редакцией В. Т. Пашуто сборнике «Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР» покойный опубликовал обширную — на тридцать страниц (46–75) мелким шрифтом — статью «О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам)». В ней он кратко изложил незыблемые принципы ремесла.

Можно было бы ограничиться простой ссылкой на нее — она легко доступна в Интернете, — если бы все, кто начал активно издавать и интерпретировать надписи после смерти Ю. Г. Виноградова, относились к названной «методичке» с должным вниманием и не считали для себя возможным несколько легкомысленно смотреть на сформулированные там рекомендации, будто на личные предпочтения автора. Тот же собрал воедино и проиллюстрировал конкретными примерами лишь те правила, которые считали и считают обязательными *все* профессионалы, не исключая корифеев эпиграфической дисциплины — Адольфа Вильгельма и Луи Робера. Поэтому, наверное, основные мысли этой работы нелишне кратко перечислить — и нынешних, и будущих публикаторов ради.

Вот к чему нас призывает, вслед за титанами, Юрий Германович. И это — не пожелание. Это — выстраданный поколением ученых императив.

1. Категорически требуется работать с оригиналом. На худой конец (как иногда позволяли себе А. Вильгельм и Л. Робер) — с эстампажем или латексным слепком. Особенно это актуально, когда текст фрагментирован. Без таких возможностей эпиграфисту лучше воздержаться от исследования.

2. Пользоваться взамен «живой» надписи ее фотографиями, прорисовками и т. д. допустимо, только если она утрачена или хранится в частной коллекции, к коей нет доступа. Но

тогда и высказывать суждения можно (как показывают промахи даже В. В. Латышева: см. *КБН* 1237, 1254...) лишь с крайней осторожностью, не делая окончательных выводов.

3. Документ сначала должен быть изучен как *памятник*: его материал, типология, габариты, конфигурация изломов, характер использования полезной площади и плотность букв в строке, топография, археологический контекст находки и ее исторический фон. Если рассматривается граффито, то — тип и датировка сосуда/черепка (и рисунка на нем, если он есть), на который оно нанесено, качество лака (при его наличии), особенности почерка в разные периоды и в различных регионах.

4. При объединении обломков (особенно если они не в контакте) существенную роль играют оформление текста и его носителя, размер и формы букв, манера письма.

5. Важно высчитывать не столько общую длину строки, сколько размер лакун, учитывая «узкие» литеры (*йота* и проч.). Арифметика эпиграфики имеет первостепенное значение. Не может быть так, чтобы разница в количестве пропавших знаков в строках (особенно — соседних) была значительной, тем более — стремилась к десятку/ам.

6. Необходимо строго подходить к выбору аналогий. Тут подстерегают две опасности: излишне узкий взгляд на них и, наоборот, неразборчивость в поиске параллелей.

7. Принципиальна *филологическая* критика текста. А именно знание форм диалектов и языковых норм той или иной эпохи, учет дейктической функции члена на вотивных предметах, разумная готовность к встрече с нестандартными лексикой и оборотами (и внимание к ним) и т. п.

8. Не следует смешивать содержание и текст надписи, они не равнозначны. Определение конструкции (включая принципы переноса), структуры и формул (недопустимо забивать в лакуну все, что только о них известно) текста — наиболее надежный путь к пониманию содержания, страхующий от пагубных для науки экспериментов с восстановлениями.

9. При выборе реконструкции нельзя исходить как из односторонних представлений, априорных установок и впечатлений, так и из произвольно выбранных аналогов. А также увлекаться дополнениями *exempli gratia*.

10. Не следует путать эпиграфику и нарративную традицию. Формулы документов меняются во времени. Их изучение, наряду с точным пониманием хронологии археологического слоя (кроме мешаного или вторичного), имеет для датировки намного больший вес, чем форма букв.

11. Надпись не может изучаться «как вещь в себе, необходима постоянная» прямая и обратная «корреляция эпиграфики с другими дисциплинами: археологией, нумизматикой, исторической географией и т. д.». Ведь «эпиграфические исследования <...> не просто игра ума», они «имеют конечной задачей воссоздание исторической картины того или иного региона в определенную эпоху».

12. «Главное условие», с учетом существенной автономности использования допустимых приемов, — «*комплексное* (курсив мой. — Ф. Ш.-К.) применение по возможности большего числа методов», в зависимости от сохранности документа и его конкретной специфики. Только так эпиграфист способен выполнить свою миссию — раскрыть памятник как полноценный исторический *источник*.

Fedor V. Shelov-Kovedyaev,
independent researcher, Moscow, Russia
E-mail: shel-kov@yandex.ru

Ф. В. Шелов-Коведяев,
к. и. н., независимый исследователь,
Москва, Россия